

Скороходько Ю. С.,

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

ТРАКТОВКА ПРОШЛОГО В АНГЛИЙСКОМ НЕОВИКТОРИАНСКОМ РОМАНЕ

Стаття присвячена уточненню поняття “неовікторіанський роман” як специфічного різновиду історіографічного метароману, що є утворений на основі звертання до епохи вікторіанства та вікторіанської літератури. У статті виявляються особливості трактування минулого у неовікторіанському романі. Трактування минулого у такому романі побудоване на постмодерністському принципі гри. Автори неовікторіанських романів пропонують читачеві велику кількість інтерпретацій минулого, створюють ефект недовідності історії.

Ключові слова: *неовікторіанський роман, постмодернізм, історіографічний метароман, минуле, гра.*

The article presents the detailed analyses of the neo-Victorian novel as a historiographic metafiction particular variety, being built on the recall of the Victorian culture and Victorian literature. Interpretation of the past peculiarities are brought to light in the article. Interpretation of the past in neo-Victorian novel is based on postmodernistic concept of play. Neo-Victorian writers suggest a number of interpretations of the past and create an effect of unprovability of history.

Key words: *neo-Victorian novel, postmodernism, historiographic metafiction, past, play.*

В современной английской литературе заметно возрос интерес к истории. В 80-е – 90-е годы XX – первом десятилетии XXI века появляется значительное количество романов на историческую тематику. Было бы ошибочным утверждать, что подобный интерес отсутствовал ранее. Однако романы на историческую тематику, написанные в наши дни, отличаются от традиционных исторических романов. Изменения, произошедшие с романом на историческую тематику конца XX – начала XXI века, объясняются влиянием на него постмодернизма. Современные литературоведы, такие как Д. Шиллер, М. Льюлин, Ж. Летисье, А. Киркнофф, Г. Мур и многие другие подтверждают такое влияние [18, с. 15, 14, 12, 16].

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей романа на историческую тематику конца XX – начала XXI века, а также уточнение понятия “неовикторианский роман” через выявление особенностей трактовки прошлого в этом типе романа.

Постмодернизм характеризуется особым отношением к истории, к прошлому. Согласно общепринятому мнению, историческая наука имеет дело с фактами, которые составляют основу всякого исторического знания. Именно на фактах базируются все исторические представления и кон-

цепции [1, с. 7]. Задача историка должна была бы состоять в максимально точном и правдивом фиксировании исторических фактов и сохранении их для потомков. Однако проблема заключается в том, что фигура такого историка – идеального, свободного от внешнего влияния на него общества и внутреннего личностного влияния – существует только в теории. На самом деле историк фиксирует происходящие события и доносит их до общества пропустив через себя, через свое видение. Кроме того, как утверждает французский историк Мишель де Серто, на работу историков всегда влияют социально-экономические, политические и культурные факторы [7, с. 65]. Поэтому в разных системах взглядов один и тот же исторический факт получает разное толкование: между историческим фактом и соответствующим ему научно-историческим фактом стоит интерпретация [1, с. 7]. Поэтому от историка мы получаем не факты, а рассказ об этих фактах: события прошлого превращаются в повествование [3, с. 8]. Писатели-постмодернисты именно так воспринимают историю и прошлое [11].

Постмодернизм понимает прошлое не как последовательность произошедших событий, а как повествование. Так, английский историк Р. Дж. Коллингвуд в своей работе “Идея истории” утверждает, что реальность относится к сфере “возможного”, а история становится повествованием об этом “возможном” [6, р. 179]. Американский историк Х. Уайт в своей книге “Метаистория” развивает такое восприятие истории. Он утверждает, что никакая фальсификация исторических фактов невозможна, поскольку эти “факты” находятся вне доступа так называемого “прямого наблюдения”. Таким образом, эти факты становятся гипотетическими объектами, требующими “толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с литературой, чем с какой-либо наукой” [3, с. 12].

Подобным образом рассуждает американский литературовед Ф. Джеймсон. Он говорит о значительной разнице между прошлым, которое действительно имело место, и его репрезентацией. Ф. Джеймсон утверждает, что история – это нечто “несуществующее”, то, в чем нельзя быть абсолютно уверенным, поскольку история недоступна потомкам. Потомкам доступна лишь ее словесная реконструкция [11, р. 150]. Таким образом, по мнению Ф. Джеймсона, постмодернисты оставляют прошлое в стороне, не интересуются действительной историей, а опираются на историю-повествование.

Таким образом, постмодернисты используют принцип невозможности установления точной, единственно верной правды о прошлом как фундамент для своих произведений на историческую тематику. И здесь можно говорить об отличии романа на историческую тематику середины XX – начала XXI века от традиционного исторического романа. По нашему мнению, это отличие заключается в первую очередь в том, что в основу романов на историческую тематику эпохи постмодернизма положена игра: игра

со временем, интертекстуальная игра. Писатели-постмодернисты свободно обращаются с историей: изменяют ее, смешивают реальные события с вымышленными, “обманывая” читателя и заставляя его потерять ощущение границы между вымыслом и исторической правдой. Постмодернисты создают пародии и пастиши, предлагают множественные интерпретации истории, оставляя за читателем право выбора своего варианта (вариантов) прошлого, “переписывая” историю, создавая собственный постмодернистский ее вариант, а точнее – бесконечное множество возможных вариантов [13]. Так, современный английский литературовед и писатель П. Акройд, словами героя своего романа “Чаттертон”, утверждает: “If there were no truths, everything was true” [4, с. 127].

Особенности отношения писателей-постмодернистов к прошлому выражены в постмодернистском романе на историческую тематику. Л. Хатчен в своей работе “Поэтика постмодернизма” называет такой роман “историографический метароман” [9, с. 5]. По мнению исследовательницы, историографический метароман – это новый тип исторического романа. Обосновывая использование термина “историографический метароман”, Л. Хатчен приводит следующие аргументы: понятие “историографичность” воплощает изображаемое в романе прошлое, а понятие “метароман” подразумевает пародийную интертекстуальность [10, с. 3]. Говоря об историографичности метаромана, Л. Хатчен, во-первых, обращает внимание на переплетение в нем историографии и литературы: “такой роман устанавливает и затем стирает грань между литературой и историей” [9, с. 113]. Во-вторых, исследовательница указывает на характерное для историографического метаромана “стремление сократить разрыв между прошлым и настоящим и переписать прошлое в новом контексте” [Ibid, с. 118].

Итак, определяя сущность историографического метаромана, Л. Хатчен характеризует его как роман, с одной стороны, глубоко саморефлексивный, но и, с другой стороны, претендующий на соотнесенность с историей [Ibid, с. 5]. Саморефлексивность предполагает, что историографический метароман соотносится с самим собой, он не ставит целью утверждать историческую подлинность описываемых событий. Напротив, в нем акцентируется внимание на недоступности достоверных и унифицированных знаний о прошлом. Основа видения прошлого в историографическом метаромане – собственные представления о прошлом автора / рассказчика (рассказчиков). Эти представления могут быть многочисленны, многообразны и даже противоположны. Подобное мнение высказывает А. Киркнофф, утверждая, что историографический метароман взаимодействует с историей, находится с ней в диалоге и одновременно ставит под сомнение такую возможность [12, с. 60]. Как мы смогли убедиться, обращает на себя внимание некоторая противоречи-

вость и неопределенность термина “историографический метароман”. Тем не менее, на наш взгляд, этот термин наилучшим образом отражает противоречивость изображения истории в романах на историческую тему, создаваемых в эпоху постмодернизма.

Итак, к историографическим метароманам мы будем относить романы, создающиеся во второй половине XX – начале XXI века, обращенные к тем или иным историческим эпохам и “переписывающие”, перерабатывающие, интерпретирующие их в постмодернистском ключе.

Историографические метароманы обращаются к различным историческим эпохам. У. Эко и его роман “Имя Розы” переносит читателя в 1327 г. – эпоху высокого средневековья, роман П. Зюскинда “Парфюмер. История одного убийцы” – в середину восемнадцатого века, а роман “Ночной дозор” С. Уотерс – в Великобританию сороковых годов двадцатого века. На этом фоне особенно заметен интерес к эпохе правления королевы Виктории, проявляемый в последние годы писателями Великобритании и других англоязычных стран. Д. Джонсон и К. Уотерс говорят об этом как о “втором рождении” викторианства в современной английской литературе [8, с. 8]. Обращение современных английских писателей к эпохе викторианства объясняется особой любовью и уважением, которые англичане питают к данному периоду своей истории – периоду наивысшего экономического, политического и культурного расцвета Великобритании, периоду зарождения и укрепления традиций, уклада жизни, сохранившегося до нашего времени, периоду формирования самого понятия “английскости” (Englishness) – характерных черт английской нации [2].

Как утверждает Ж. Летисье, второе рождение викторианства в форме неовикторианства произошло более пятидесяти лет назад. Отправной точкой здесь считают появление двух романов, обращенных к викторианской эпохе: “Широкое Саргассово море” (1966) доминиканской писательницы английского происхождения Джин Рис и “Женщина французского лейтенанта” (1969) Джона Роберта Фаулза [14, с. 1]. По мнению А. С. Байетт, именно “Джон Фаулз стоял у истоков неовикторианского романа” [5, с. 78].

Историографические метароманы, созданные на основе обращения к эпохе викторианства, а также к викторианской литературе, принято называть неовикторианскими романами [15, р. 165]. Так их именуют Д. Шиллер, М. Льюлин, Ж. Летисье, Г. Мур, К. Уотерс и многие другие литературоведы, изучающие современную английскую литературу [18; 15; 14; 16; 8]. Термин “неовикторианский роман” ввела Д. Шиллер в 1997 году. В своей работе “Искупительное былое в неовикторианском романе” Д. Шиллер определяет неовикторианский роман как роман, обладающий характерными чертами постмодернизма и пропитанный историческими реминисценциями, относящимися к XIX веку [18, с. 538].

Таким образом, неовикторианский роман – историографический ме-

тароман, обращающийся к викторианской эпохе – соединяет в себе черты исторические и постмодернистские. Постмодернистские черты проявляются в неовикторианском романе в следующем: во-первых, прошлое в нем воспринимается и отражается на основе его недоказуемости и множественности его интерпретации. Во-вторых, неовикторианский роман строится на основе интертекстуальности и игры.

Рассмотрим отношение к прошлому на примере неовикторианских романов С. Уотерс и Ч. Паллисера. Материалом исследования послужил роман Ч. Паллисера “Непогребенный”, а также романы С. Уотерс “Нить, сотканная из тьмы”, “Бархатные коготки” и “Тонкая работа”.

События, описанные в вышеназванных романах, происходят в викторианскую эпоху. Действие романа Ч. Паллисера “Непогребенный” разворачивается в городе Турчестер, куда главный герой романа Куртин приезжает по приглашению своего старого друга и однокашника Остина. Действие романа С. Уотерс “Нить, сотканная из тьмы” происходит в викторианском Лондоне, а романов “Бархатные коготки” и “Тонкая работа” – частично в Лондоне, частично в английской провинции. Помимо обращения к викторианской эпохе, романы С. Уотерс и Ч. Паллисера объединяет постмодернистское отношение авторов к истории, к прошлому, и на этом основании мы можем отнести данные романы к историографическим метароманам. Прошлое в романах С. Уотерс и Ч. Паллисера воспринимается и отражается через недоказуемость его фактов и множественность его интерпретаций. Множественность интерпретаций и недоказуемость фактов прошлого может проявляться в неовикторианских романах по-разному.

Прежде всего в неовикторианском романе обращает на себя внимание наличие большого количества взаимоисключающих версий произошедших событий. Эти версии на каждом шагу подстерегают, запутывают, сбивают с толку как самих героев романов, так, в конечном счете, и читателя. Писатель ведет игру со своими персонажами, а через них – с читателем, переворачивая с ног на голову их первоначальные представления о событиях прошлого. Так, одной из целей приезда доктора Куртина, главного героя романа Ч. Паллисера “Непогребенный”, в город Турчестер является раскрытие загадок прошлого, связанных с фигурой короля Уэссекса Альфреда, жившего в IX веке. На протяжении всей своей работы по поиску старинного манускрипта в архивах библиотеки Турчестера доктор Куртин сталкивается с множеством версий, касающихся деятельности короля Альфреда, высказываемых местными жителями, в том числе и учеными: одни видят его смелым воином и мудрым правителем, другие – трусом, предавшим своих друзей и свой народ. Кроме того собственную теорию, интерпретирующую деятельность короля Альфреда и его личность, имел сам доктор Куртин, а также его оппонент – историк из Оксфорда Скаттард. Таким образом, Ч. Паллисер предлагает

несколько равноправных “правд”, а читатель может на основании этих правд-версий составить свое представление об историческом событии, вывести свою “правду” или даже несколько “правд”.

На примере истории короля Альфреда в романе Ч. Паллисера скажем о еще одном способе воссоздания и переписывания прошлого в неовикторианском романе. До самого последнего момента история Альфреда оказывается доступной читателю лишь по рассказам современников Куртина, а также по манускриптам XVII века. В результате этого фигура короля превращается из реальной исторической личности в “словесную реконструкцию”, говоря словами Ф. Джеймсона [11]. Деятельность короля можно прочитывать по-разному, воссоздавать и интерпретировать множеством различных способов. При этом факты из жизни Альфреда превращаются в рассказы об этих фактах, в события прошлого, они становятся, как говорит Х. Уайт, повествованием [3]. История жизни короля Уэссекса заменяется историей-плодом фантазии рассказчиков. При этом число рассказчиков и, соответственно, самих историй, достаточно велико. Таким образом выстраивается постмодернистская модель отношения к истории, выраженная в неовикторианском романе: большое количество различающихся историй об Альфреде, поведенных разными рассказчиками, продуцирует множество самих “исторических” фигур короля. Так в духе постмодернизма и неовикторианства появляется множество интерпретаций одной исторической фигуры. Именно читатель волен выбирать из предложенных интерпретаций одну, наиболее его удовлетворяющую.

Неовикторианский роман прибегает еще к одному способу достижения множественности интерпретаций и недоказуемости фактов прошлого: автор использует мотив обнаружения ранее забытых или утерянных старинных документов, манускриптов, писем или книг. Скрытые от внешнего мира, они хранятся в библиотеках, архивах, антикварных магазинах или в других местах. В соответствии с постмодернистской теорией отношения к истории, нахождение документов, ранее неизвестных или утерянных, помогают создать эффект интерпретации истории: представление о прошлом меняется с обнаружением каждого нового исторического документа. Так, доктор Куртин, отыскав в Турчестере старинную летопись, надеется подтвердить свою теорию, выдвинутую на основании более поздних документов. Однако описание происходивших с королем событий, сделанное его современником, не соответствовало представлениям о них Куртина и говорило об ошибочности первоначальной теории ученого.

Однако порой даже обнаружение старинных манускриптов не является гарантией доказуемости прошлого. Писатели-неовикторианцы твердо придерживаются мнения о недостоверности истории, и поэтому, ведя игру со своими персонажами и с читателями, подбрасывают им документы-подделки. Доктор Куртин, например, опирается в сво-

их первоначальных исследованиях на документ XVII века – якобы копию более раннего манускрипта, восхваляющего смелость и благородство короля Альфреда. Однако в процессе расследования выясняется, что документ не был достоверен. Таким образом, прием использования документов-подделок позволяет неовикторианским авторам еще больше запутать героев в их стремлении изучить прошлое, вынуждает их интерпретировать историю на разные лады, искать ту правду, которая оказывается недостижимой, поскольку она находится вне доступа так называемого “прямого наблюдения” [3].

Итак, старинные документы (случайно или в результате целенаправленных поисков) попадают в руки главных героев. Часто в неовикторианских романах обладателями таких находок становятся ученые: историки, исследователи литературы, искусства и религии. “Вручение” исторических документов таким героям – это еще один способ, с помощью которого реализуется множественность интерпретаций прошлого в неовикторианских романах. Именно исследователи могут получить доступ к историческим документам, проанализировать существующие версии произошедшего или предложить новые. Именно так происходит в романе Ч. Паллисера, главным героем которого становится ученый-историк.

Подводя итог, мы можем сделать следующие выводы. Далеко не все появляющиеся в середине XX века романы на историческую тематику безоговорочно можно отнести к жанру исторического романа. Отличие таких романов от традиционного исторического романа обусловлено влиянием постмодернизма. Трактовка постмодернизмом прошлого не как последовательности произошедших событий, а как повествования, состоит в том, что постмодернизм концентрируется на истории-повествовании, истории, в значительной степени интерпретированной, или даже на истории-плоде фантазии рассказчика. Такой роман, “переписывающий”, историю в постмодернистском ключе, называют историографическим метароманом.

Особой разновидностью историографического метаромана стал неовикторианский роман, который создается на основе обращения к эпохе викторианства и к викторианской литературе. Для неовикторианского романа также характерно специфическое отношение к прошлому, основанное на постмодернистском принципе игры. Авторы неовикторианских романов предлагают читателю множество интерпретаций прошлого, создают эффект недоказуемости истории. Для этого они смешивают реальные события с вымышленными, выдвигают множество версий произошедшего, используют мотив обнаружения исследователями истории или литературы ранее забытых старинных документов.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в определении степени влияния постмодернизма на неовикторианский роман, а также выявлении постмодернистских черт неовикторианского романа.

Литература:

1. История России с древнейших времен до второй половины XIX века. Курс лекций. Ч. 1. / Под ред. академика Личмана Б. В. – Екатеринбург: Уральский государственный технический университет, 1995. – 620 с.
2. Зброжек Е. В. Викторианство в контексте культуры повседневности // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 35. – С. 28-44.
3. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2002 г. – 528 с.
4. Ackroyd P. Chatterton. – New York: Random House, 1989. – 234 p.
5. Byatt A. S. On histories and stories: selected essays. – London: Chatto & Windus, 2000. – 196 p.
6. Collingwood R. G. The Idea of History. – New York: Oxford University Press, USA, 1994. – 576 p.
7. de Certeau M. L'écriture de l'Histoire. – P.: Editions Gallimard, 1975. – 490 p.
8. Gay P., Johnston J. E., Waters C. Victorian Turns, Neo-Victorian Returns: Essays on Fiction and Culture. – Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2008. – 240 p.
9. Hutcheon L. A. Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction. – London: Routledge, 1988. – 274 p.
10. Hutcheon L. Historiographic Metafiction: Parody and the Intertexts of History / [Eds. O'Donnell P., Con Davis R.] // Intertextuality and Contemporary American Fiction. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. – P. 3-32.
11. Jameson F. Marxism and Historicism // The Ideologies of Theory: Essays 1971-1986, Vol. 2. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1988. – 230 p.
12. Kirchknopf A. (Re)working of Nineteenth-Century Fiction: Definitions, Terminology, Contexts [Електронний ресурс] // Neo-Victorian Studies online scholarly journal. – Autumn 2008. – P. 53-80. – Режим доступу до журн.: www.neovictorianstudies.com.
13. La Capra D. Rethinking Intellectual History. – Ithaca: Cornell Univ. Press, 1983. – 350 p.
14. Letissier G. The Crimson Petal and the White: a Neo-Victorian Classic // "Rewriting / Reprising" – La reprise en littérature. – Lyon: Université Lyon, 2006. – P. 1-8.
15. Llewellyn M. What is Neo-Victorian Studies [Електронний ресурс] // Neo-Victorian Studies online scholarly journal. – Autumn 2008. – P. 164-185. – Режим доступу до журн.: www.neovictorianstudies.com.
16. Moore G. Twentieth-century re-workings of the Victorian novel [Електронний ресурс] // Literature compass. – 2008. – Volume 5. – Issue 1. – P. 134-144. – Режим доступу до журн.: www.blackwell-compass.com/subject/literature/.
17. Palliser Ch. The Unburied. – New York: Washington Square Press, 2000. – 432 p.
18. Shiller D. The redemptive past in the neo-Victorian novel // Studies in the Novel. – 29. 4. – 1997. – P. 538-560.
19. Waters S. Affinity. – London: Virago Press, 2005. – 368 p.
20. Waters S. Fingersmith. – London: Virago Press, 2003. – 560 p.
21. Waters S. Tipping the Velvet. – London: Virago Press, 1999. – 472 p.